

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.14>

Фидарова Рима Японовна, Кайтова Ирина Анатольевна

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Е. БРИТАЕВА НА ПАТРИАРХАЛЬНУЮ ЭТИКУ ОСЕТИН

В статье исследуются особенности эволюции мировоззренческих патриархально-этических взглядов Е. Бритаева в его раннем творчестве в начале XX века, особенно сложного и значимого периода в истории осетинской литературы XX века. Нами установлено, что в таких произведениях писателя, как пьесы "Уараседзау" ("Побывавший в России"), "Лучше смерть, чем позор", "Две сестры", рассказ "Месть молодого горца", посвященных актуальным проблемам силы, красоты, человечности горской этики, крестьянства Осетии, ярко проявилась специфика художественного отражения эволюции взглядов Е. Бритаева на нормы традиционной патриархальной этики осетин.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/6/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 65-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы философии. 1970. № 3. С. 121-142.
2. Гусейнов А. А. Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990. 486 с.
3. Ибрагимов К. Х. Учитель истории: роман. Грозный: Грозненский рабочий, 2010. 542 с.
4. Кокто Ж. Новобрачные с Эйфелевой башни / изд-е подгот. М. Сапонов. М.: Московская консерватория, 1999. 48 с.
5. Лосев А. Ф. Абсолютная Диалектика – Абсолютная Мифология // Лосев А. Ф. Имя: сочинения и переводы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 140-168.
6. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. Изд-е 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. А – К. 671 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер. с нем. и коммент. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
8. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
9. Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. Изд-е 3-е. М.: Сов. писатель, 1982. 416 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
11. Tataeva R. Eclecticism as a tendency in the works of K. Ibragimova // Scientific enquiry in the contemporary world: Theoretical basics and innovative approach. 4th ed. San Francisco, California: B&M Publishing, 2015. Vol. 3. Philology: Research articles. P. 59-67.

IMAGES' INTROSPECTION PRINCIPLES IN THE NOVEL "THE HISTORY TEACHER" BY K. IBRAGIMOV

Tataeva Rovzan Bovkievna, Ph. D. in Philology
Chechen State Pedagogical University, Grozny
liza.tataeva@yandex.ru

The article is devoted to studying chronotope, images, storyline in the works of the Russian-speaking Chechen writer K. Ibragimov. After analysing the features of introspection, symbolic details in the writer's prose, the paper concludes on the essential role of ritual and mythology in his creative work. In the novel "The History Teacher", antinomies become special symbols indicating the specificity of the spatial-temporal arrangement of events and characters' personal collisions. Antinomy functions are considered through prismatic female images organizing the model antinomic to male images. Personification of peculiar aspects of antinomy implemented in characters' images serves as an innovative method to identify common internal characteristics.

Key words and phrases: symbol; mythologeme; ontology; heterogeneous beliefs; bilingualism; allusions; archetype; anthropomorphism; polyphony; K. Ibragimov; comparative refractions; meta-components.

УДК 82-31

Дата поступления рукописи: 22.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.14>

В статье исследуются особенности эволюции мировоззренческих патриархально-этических взглядов Е. Бритаева в его раннем творчестве в начале XX века, особенно сложного и значимого периода в истории осетинской литературы XX века. Нами установлено, что в таких произведениях писателя, как пьесы «Уараседзау» («Побывавший в России»), «Лучше смерть, чем позор», «Две сестры», рассказ «Месть молодого горца», посвященных актуальным проблемам силы, красоты, человечности горской этики, крестьянства Осетии, ярко проявилась специфика художественного отражения эволюции взглядов Е. Бритаева на нормы традиционной патриархальной этики осетин.

Ключевые слова и фразы: пьеса; драма; рассказ; Е. Бритаев; герой; сюжет; патриархальная этика; новая мораль; проблема чести.

Фидарова Рима Японовна, д. филол. н., профессор

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ
irinakaytova@mail.ru

Кайтова Ирина Анатольевна, к. филол. н.

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
irinakaytova@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Е. БРИТАЕВА НА ПАТРИАРХАЛЬНУЮ ЭТИКУ ОСЕТИН

Выдающийся осетинский писатель Е. Бритаев жил и творил в сложное время: на рубеже XIX и XX вв. Как и многие горские писатели той эпохи, Е. Бритаев пережил серьезную и сложную эволюцию своих мировоззренческих взглядов от идеализации патриархальной горской этики к новой, социалистической морали, к марксистской идеологии. В результате он стал большевиком, а за свою революционную деятельность даже был осужден и сидел в тюрьме.

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что в осетинском литературоведении появляется острая необходимость в новом осмыслении эволюции взглядов Е. Бритаева на патриархальную этику горцев, на эволюцию его мировоззрения, ярко отразившуюся в художественных произведениях драматурга.

Целью статьи является изучение процесса эволюции взглядов драматурга на патриархальную этику осетин. **Задачи** исследования поэтапного развития взглядов Е. Бритаева решаются путем анализа его произведений. **Научная новизна** же проявилась в новом осмыслении эволюции взглядов писателя.

Теоретическая и практическая значимость исследования очевидны: результаты его будут способствовать дальнейшему изучению творчества Е. Бритаева и могут быть использованы в вузовской и школьной практике.

Одним из первых произведений Е. Бритаева была пьеса «Уараседзау» («Побывавший в России»).

Сюжет пьесы «Уараседзау» («Побывавший в России») прост. Родители двадцатилетнего юноши Муссы, измученные нищетой горской жизни, отправили сына на заработки в Россию. Там он прослужил лакеем у одного богатого человека и по прошествии пяти лет вернулся домой, на родину. За время его отсутствия в родном селе мало что изменилось: по-прежнему повсюду царствовали нормы патриархально-родовой морали. Односельчанам Муссы трудно себе даже представить, как можно отказаться от родного языка, забыть традиции своей среды, семью, родителей. Мусса же полагает, что, прослужив в качестве лакея на чужбине, освоил русскую культуру, и это существенно обогатило его как личность, а значит, и значительно возвысило над «дикарями-земляками». Он сдабривает свою речь словами из лексикона русского лакея, при этом значительно их коверкает. Так, он непрестанно добавляет к своей осетинской речи словечки: «подавайт», «морда бит», «бажалыстон», «гаспада», «абед подано» и т.д.

Родители, когда отправляли его на заработки, рассчитывали, что он заработанными деньгами повысит благосостояние обнищавшей семьи. Мусса же на все заработанные средства приобрел себе костюм европейского лакея, причем явно не по росту, а потому придающий ему довольно нелепый вид на фоне остальных, всегда подтянутых горцев. К тому же отказался от своего прежнего имени – Муссы – и приказал звать его Мишей.

Так, молодой драматург Е. Бритаев с помощью сатиры показывает столкновение двух типов культуры, этики, психологии: лакея и патриархальных горцев, при этом симпатии его явно на стороне последних.

И это послужило основанием для некоторых литературоведов, уже после смерти Е. Бритаева в 1924 г. выразивших противоречивые мнения о его творчестве, приписать ему язык националиста, сторонника патриархальной системы горской этики.

А. Тиболов писал о сложном характере той эпохи, обусловившем расхождение в трактовке мировоззренческих взглядов писателя: «Существует глубокая органическая связь между культурной ломкой жизни осетинского народа к началу XX века и творчеством Бритаева. Начало XX столетия характеризуется небывалым крушением патриархального строя в Осетии... Разрушалась и старая идеология родового быта. Семейно-фамильные отношения, основанные на непрерываемом авторитете старшинства и полном подавлении отдельной личности, дали весьма глубокую трещину. Идет усиленное раскрепощение индивида из железных оков родового начала...» [9, с. 42].

Не согласен с подобной оценкой творчества другой исследователь – Н. Джусойты, отметивший, что «нет никакого основания утверждать, будто в “Уараседзау” Бритаев поэтическим чувством оплакивал гибель привычного ему быта и представлял в мрачном свете встречу старой и новой культур. Напротив, в этой оценке есть твердая убежденность в провале патриархальной морали и патриархального быта горца-земледельца...» [4, с. 25].

Обвинил в национализме Е. Бритаева и А. Коцоев, заметив, что «в пьесе от начала до конца есть одна непрерывная линия: желание удержать людей, подобных Муссе, от бегства в Россию, чтобы они не покидали родину и не отступали от осетинских обычаев» [8, д. 12, л. 9].

Конечно же, Е. Бритаев, задав вопрос о том, что принес Мусса из России взамен утерянных им принципов и нравов, вовсе не националист, он вовсе не против великой русской культуры и морали, а именно против лакейской «культуры» и «морали». «В “Уараседзау” Бритаев, безусловно, предпочитает лакейской морали здоровые, демократические черты патриархальной этики, развращенной психологии лакея – цельный характер патриархального горца, гордо несущего свое человеческое достоинство сквозь все невзгоды; патриотизму лакея – трудовой образ жизни простого хлебороба» [4, с. 31]. Безусловно, прав Ц. Гадиев, указав: «Елбаздик до последних дней своей жизни любил лучшие из осетинских обычаев и особенно красоту осетинского языка» [8, д. 9, л. 3].

Надо заметить, что пьеса была необычайно популярна. Популярность ее обусловлена объективными фактами – явлением хождения осетин на заработки за пределы Осетии. Только в 1902 г., когда писалась пьеса «Уараседзау», на заработки из Осетии выехало 1130 человек, т.е. не менее 3% всего трудоспособного мужского населения [7, с. 225].

Как писал С. М. Киров, «осетины давно знают, что такое капитализм, не только отечественный, но и заокеанский. Многие и многие из них годами жили в Америке, Канаде и там подлинно испытали капиталистическую эксплуатацию» [1, с. 103].

Судьба всех ушедших на заработки людей складывалась по-разному. И возвращались они домой, приобретая различное мировоззрение: одни становились защитниками монархии, другие – большевиками.

Но больше всего беспокойство у Е. Бритаева вызывали люди типа Муссы, «уараседзау», ставшего нарицательным.

Так, реалистический путь изображения явлений социальной жизни горцев в переломную эпоху вступления осетин на путь капитализма в пьесе «Уараседзау» («Побывавший в России», 1902) дал возможность писателю раскрыть драматические аспекты общественного бытия и общественного сознания осетин.

Следующим произведением Е. Бритаева была пьеса «Лучше смерть, чем позор». Сюжет пьесы строится вокруг двух событий, в которых в полной мере раскрываются социальная суть и национальные особенности горского характера.

Пятнадцать лет назад пристав посмел поднять руку на Кирима, за что и поплатился жизнью: горец убил своего обидчика. Но, совершив такое страшное преступление – убив человека, хотя и недостойного, подлого, наглого, – Кирим поставил себя вне закона: он был вынужден уйти в абреки и скитаться в лесу долгие пятнадцать лет.

Весь трагизм пятнадцатилетних скитаний героя по лесам заключается в том, что он начал терять человеческий облик. Он грабил, убивал, угонял скот и при этом не чувствовал никаких угрызений совести, не осознавал, насколько низко он пал. Люди, которые пятнадцать лет назад восхищались его смелостью, мужеством, отвагой, одобряли его поступок (убийство пристава), – уже стали осуждать его, называя его жестоким насильником и грабителем.

Как-то, когда его преследовали казаки, он, боясь, что попадет в их руки, решил украсть самого лучшего коня в округе, коня старика Берда. Но табун охраняет друг юности Кирима Ахмат, его названный брат. Кирим решил не красть коня, а договориться с Ахматом, заплатить ему двойную цену и увести коня. Но Ахмат, простой горец, не привык решать свои проблемы столь подлым образом. Он предложил Кириму в память о былой их дружбе забрать его собственного коня, поскольку отдать чужого он не может: с его точки зрения, это бесчестный поступок. Он готов умереть за друга, т.к. высоко ценит дружбу, побратимство, но для него честь выше, дороже жизни. А потому он отказывает Кириму в его просьбе. Так столкновение двух разных, диаметрально противоположных представлений о горской морали, о чести и достоинстве приводит по разные стороны друзей-побратимов Кирима и Ахмата, становится основой социального конфликта пьесы. Как отметил Н. Джусойты, «перемена в психологии и морали Кирима в пьесе подчеркивается неоднократно всеми персонажами, в том числе и самим Киримом. При этом эта перемена сводится к тому, что Кирим выработал другое представление о человеческом достоинстве и о чести» [4, с. 103].

«Ахмат же честный труженик, верный своему слову, преданный осетинским обычаям... Он до конца верен и долгу побратимства... Кирим – самолюбивый, свободолюбивый человек, с сильным характером. Чтобы выполнить свои желания, он, долго не размышляя, сметая препятствия на своем пути, отбросил в сторону и долг побратимства» [8, д. 8, л. 2].

Таким образом, с самого начала произведения автор нас «вводит в природу конфликта и обнажает причины, породившие его» [5, с. 123].

Автор как бы соотносит, сопоставляет два образа жизни: мирной, трудовой, пастушеской жизни Ахмата и абреческой жизни Кирима. Так, в монологе Кирим размышляет: «Что такое имя (честь)? Конечно же, имя человека – это его слава, главное в его жизни. Человек, не имеющий имени – бесславен, его никто ни во что не ставит. Лучше быть свободным абреком, чем совсем не жить или быть в тюрьме. Эх, аллах, свобода! Как долго я тебя искал, как поздно тебя нашел! Кто я? Абрек, от одного упоминания имени которого прячутся люди... Мое достояние – это мое имя...» [2, с. 147].

Антиподы эти два героя, некогда два друга, два побратима, противоположны их моральные устои. Кирим без приглашения входит в дом Ахмата, нарушив этим самым нормы этикета горцев. На это Ахмат замечает Кириму: «Обидны мне твои необдуманность и неблагодарство» [Там же, с. 175]. Одна из основ горской этики – соблюдение обычая побратимства. Так, Ахмат не должен выдавать своего друга, даже обязан ему помочь. Но он вдруг понял, что Кирим свою безопасность хочет обеспечить себе ценой бесчестия Ахмата. «Двадцать туманов, правду говоря, хорошие деньги, – отвечает он Кириму, – голова друга такой цены не имеет! Дешево меня покупаешь... Эх, Кирим! Лучше бы мне умереть! Каким ты зломысленным стал... Я охраняю табун, и свое имя (честь) за двадцать туманов не продаю» [Там же, с. 174].

Кирим решил все же украсть коня. Ахмат с оружием в руках защищает не только коня, но, прежде всего, свою честь и свои представления о морали настоящего горца. В результате Ахмат погиб в этой схватке, погиб как герой, отстаивая человеческое достоинство и свою горскую честь. Но погибает и Кирим, погибает как конокрад, как бы перечеркивая или отвергая подлинную честь и достоинство горца. Как писал Ц. Гадиев, «оба погибли, защищая свое имя и свою честь, только одному нужен был конь Берда, а другой считал своим долгом охранять коня Берда. Оба выполнили свой долг, потому что “Лучше смерть, чем позор”» [8, д. 9, л. 3].

В сознании самого писателя происходят серьезные изменения, и он задумывается о судьбе своего народа. Так, в письме к Цоцко Амбалову Бритаев пишет: «...я заключаю, что судьба нашего народа очень тебя интересует. Она интересует и меня. Я давно не видел тебя и не знаю, какие мысли одолели твой мятежный дух, так или иначе я должен говорить с тобой. Чем больше я всматриваюсь в жизнь нашего народа, тем мрачнее делается на душе... Я полагаю, что способностями мы не обделены... Одно ясно, что в нас есть сила... Я возомнил, что мы должны взять на себя задачу влиять на народ и направлять его в сторону наибольшей пользы для него... мы должны выдвинуть лозунги. И я, и ты причастны к литературе. Это и будет средством к исполнению задачи. Мы выпустим еженедельный журнал. Таким образом, мы уьем двух зайцев: разовьем литературу и через нее повлияем на народ. Если отбросить оптимизм, останется голый труд, к которому обязывает нас наше сознание...» [3, с. 144].

Е. Бритаев трактует абречество как общественное зло, как аморальное, противоестественное явление, отравившее жизнь многих горцев, исказившее их судьбы, разрушившее их мораль и психологию, душу, сердце и разум.

Е. Бритаев в своем творчестве поднимает актуальнейшие этические проблемы эпохи и, прежде всего, вопрос о силе, красоте, человечности горской этики патриархального крестьянства Осетии, вступающего в безжалостный мир качественно новых капиталистических отношений. Так, он сравнивает горскую этику патриархального крестьянства с холопской, лакейской моралью Муссы («Уараседзау») и с антигуманной моралью абрека Кирима («Лучше смерть, чем позор»). И в обоих случаях драматург отмечает превосходство образа жизни трудового крестьянства и его горской морали. При этом он вовсе не идеализирует их. А со временем, под влиянием социальных обстоятельств, заметно эволюционируют взгляды и мировоззрение Е. Бритаева.

Вот что писал сам Е. Бритаев в письме от 3 июля 1909 года своему другу Цоцко Амбалову: «Ты видишь, что старые устои рушатся с каждым днем, старая жизнь расплывается по швам. Новые мы пока не придумали» [Там же, с. 224].

В годы Первой русской революции (1905-1907 гг.) Е. Бритаев активно участвует в революционных событиях в Осетии, поддерживая борьбу большевиков против царской администрации, за что и был заключен во Владикавказскую областную тюрьму. Конечно, в эти годы заметно меняются представления молодого писателя Е. Бритаева о человеческом долге и его предназначении на земле. В рассказе «Месть молодого горца», написанном в эти годы, писатель пытается глубоко исследовать, как в сознании молодого горца, ставшего на путь революционной борьбы, сосуществуют его патриархально-этические представления, которыми он прежде, всю жизнь, руководствовался, и нормы новой революционной морали.

Герой рассказа, юноша Ахмет, заканчивает гимназию. Вскоре убивают его отца. Как верный хранитель и последователь горской патриархальной этики, Ахмет обязан найти и убить убийцу отца. Но ему неприятна сама мысль убить человека, ответить злодейством на злодейство. Так случилось, что он встретил убийцу отца, но пожалел его и отказался от идеи мести данному человеку. Однако среда не может его понять: он встречает везде упреки, а мать его даже прокляла. Ахмет вынужден уйти из дома. Так заканчивается первая часть, в которой происходит конфликт между традиционной горской, патриархальной моралью и гуманистическими принципами новой эпохи, оказавшимися настолько мощным стимулом воспитания гуманизма и просвещения, что Ахмет не мог стать убийцей, отказавшись совсем от идеи кровной мести. Мать юноши, безгранично любя своего сына, все же надеется, что он останется верным патриархальным горским традициям. Она говорит ему: «Два с половиной месяца после экзаменов ты устраивал себе дорогу, чтобы учиться дальше. Пусть, это хорошо, но зачем забыл ту дорогу, что веками устраивали тебе отцы и деды твои?» [2, с. 112].

Прошло несколько лет. Ахмет много читал, занимался революционной пропагандой, стал большевиком, хотя и духовное наследие предков (традиции, обычаи, ментальность) продолжало жить в его душе и сознании. Новое, что он осознал и открыл в себе, – это способность делить людей на врагов и друзей уже по иному принципу, чем прежде. Так, оказавшись в тюрьме за свою революционную деятельность, Ахмет опять встречается там со своим кровным врагом, убийцей отца, ставшим его единомышленником-революционером. Герой решает вопрос: убить врага, т.е. выполнить свой сыновий долг согласно патриархальной этике, или признать его своим единомышленником согласно новой, революционной морали.

В душе Ахмета победила новая мораль: он отказался от идеи кровной мести и решил активно включиться в борьбу за новую, справедливую жизнь и благородные, добросердечные отношения между людьми. Герой окончательно утвердился в данной своей позиции, а потому ночью, оказавшись в тюремной камере с ножом в руке над головой своего кровника, вдруг осознает всю нелепость сложившейся ситуации. Он разбудил своего кровника, объяснился с ним и в присутствии других арестантов дал ему слово, что совсем отказывается от идеи мести.

Вот что писал Тибилев о замечательном герое писателя: «Ахмет – герой одного из юношеских произведений, натура очень несложная; но он верный, послушный сын и безупречный рыцарь принятого на себя долга. Во имя этого долга он вступает в смертельную борьбу с бывшим своим другом и в схватке с ним платится жизнью. Но и тогда уже Бритаев чувствовал надвигающуюся опасность вторжения новой жизни в глушь горных аулов. Он знал, что эта жизнь несет смерть натуральному хозяйству горца и связанной с ним старой идеологии... он оплакивал гибель привычного ему быта и представлял в мрачном свете встречу старой и новой культур. Мусса, побывавший несколько лет в русском городе и научившийся говорить на искаженном русском языке, приносит в свой аул аромат городского балагана и лакейской передней» [9, с. 112].

Рассказ «Месть молодого горца» автобиографичен. Сам Е. Бритаев, став на путь революционной борьбы и встретив в тюремной камере убийцу своего отца, простил его. Данная ситуация, конечно же, многое объясняет в вопросах формирования мировоззрения самого писателя и в проблемах становления новой идеологии на стыке двух эпох, конца XIX и начала XX века, когда патриархально-родовая этика становилась в противоречие с новой моралью, с новой социально-исторической действительностью.

В одном из писем к Цоцко Амбалову Бритаев писал: «...здоровый социальный организм есть продукт духовного развития общества. Отсюда должно быть ясно: кто хочет оздоровить это последнее, должен воздействовать главным образом на духовную сторону того общества, социальный организм которого требует оздоровления...» [3, с. 202].

В основу драмы «Две сестры» также положен реальный факт похищения сестры Е. Бритаева Чабахан в 1901 г.

Безусловно, автор в своем произведении утверждает мысль о том, что похищать женщин – обычай дикий и вредный. И тем более отвратительный, если похищение совершалось с благословения родственников девушки, преследовавших определенные меркантильные интересы. В драме Е. Бритаев ставит вопрос о величии и ценности человеческого достоинства женщин, о равенстве прав женщины и мужчины, о раскрепощении

женщины. Вопрос о безнравственности и дикости обычая похищения женщины писателем рассматривается как следствие ее порабощения, несправедливости древних адатов, унижения человеческого достоинства женщины. Потому Е. Бритаев ставит вопрос о необходимости эмансипации женщины, утверждения ее человеческих и гражданских прав.

В целом же он пристально всматривался в сущность патриархальной морали, сопоставляя ее с буржуазной моралью, и отстаивал наиболее лучшие ее черты, критикуя и отвергая в ней все устаревшее и мешающее движению общественного бытия и общественного сознания по пути прогресса.

Сюжет драмы «Две сестры» прост. Осиротевшие сестры Хансиат и Асиат остались на попечении своего дяди Татаркана, который, как только подросли девочки, желает во что бы то ни стало выдать их замуж за богатых, против их воли, т.е. по своему выбору и по своей воле. А выбор его определяется величиной калыма, который жених может выплатить за невесту. При этом дядя ссылается на авторитет обычая, который узаконивает волю воспитателя, т.е. самого Татаркана. И, конечно же, умело скрывает свои корыстолобивые мотивы, ссылаясь на обычаи предков и на их кажущуюся разумность. Свою волю, точнее своеволие, он оправдывает правом старшинства. Но не удается ему оправдать неразумность и бесчеловечность даже авторитетом старшинства.

Татаркан указывает на то, что девушке по адату полагается вовремя выйти замуж, быть покорной воле мужа и не покидать его, каким бы он недостойным ни был, т.к. уйти от мужа – позор. Камболат, дядя сестер по матери, разоблачает Татаркана и его односельчанина старика Асламбека, утверждающего, что судьба каждой женщины предопределена богом и сопротивляться ей, пытаться миновать ее, – невозможно и неразумно. Камболат полагает, что брак, женитьба, замужество не предопределены волей бога, стариков, авторитетом адатов. По его представлению, только любовь, взаимное согласие девушки и юноши освящает их брак, и никто не вправе оспаривать у них это право. Особенно возмущает Камболата имущественный интерес Татаркана, стремящегося подороже продать сирот-племянниц, не считаясь с их естественными желаниями и чувствами.

Агубечир – молодой человек, родственник сестер, также исходит из сути адата, не считаясь с истинными желаниями девушек. Потому он не готов заступиться за Хансиат, когда ее выдают за нелюбимого, ведь по адату женщина должна во всем слушаться мужчин, особенно старших. Тем более что он сам в сговоре с женихом Хансиат, который, не получив согласия девушки, готов ее украсть. Агубечир же обещает помочь ее похитить, если жених подарит ему своего скакуна.

Хансиат пытается отстоять свое право на любовь и честную трудовую жизнь с любимым человеком. Девушка уверена, что если дать женщине свободу, уравнивать ее в правах с мужчиной, тогда и не надо будет ее защищать, поскольку никто не осмелится похищать ее и навязывать ей свою волю силой.

Свои убеждения Хансиат защищает с помощью оружия: ночью, когда похитители напали на несчастных сестер, она кинжалом заколола одного из них. В результате и сама была застрелена. Так героически завершилась ее жизнь: смириться она не могла, но и пути к победе еще не знала.

По-другому сложилась судьба ее младшей сестры Асиат, которая любит смелого, достойного, благородного, отважного юношу Пупа. Он решительно ведет себя ночью, когда была совершена попытка похищения сестер и так трагически погибла Хансиат. Юноша убил одного из похитителей и освободил возлюбленную. Пупа и Асиат отстояли свое право на счастье, свою любовь и своим нравственным превосходством над врагами показали величие и благородство новых отношений между людьми, новой морали.

Драма «Две сестры», как подчеркивал А. Тибилев, нанесла «сокрушительный удар» по «патриархальному быту и суровому адату» [9, с. 153]. Совершенно прав был и А. Коцоев, который еще в 1934 году писал: «Адаты, в том-то и беда, умирают не сразу, они глубокие корни пускают в сердце непросвещенного народа, уже сколько лет прошло со времени создания драмы “Две сестры”, но и по сию пору эти корни то там, то сям дают ядовитые побеги. Выкорчевывают их, но нет-нет да вновь появляются. Много еще работы по их выкорчевыванию, много работы еще предстоит и этой драме» [8, д. 8, л. 2].

Так Е. Бритаев в своем творчестве беспощадно осудил и высмеял все то, что устарело в нормах патриархальной морали, стало реакционным, антигуманным. Не случайно «ему стало ясно, что в этом быте очень мало элементов, которые было бы можно возводить в идеал, в противовес разрушающему влиянию новой идеологии. В своей лучшей бытовой драме “Две сестры” Бритаев не жалеет красок для изображения развала осетинских семейно-родовых отношений и губительных последствий умирающего адата. Могильным холодом веет от фигуры старого Асланбека, по мнению которого отдельная человеческая личность должна покорно сгибаться перед всеильными велениями дедовских обычаев. Дикость и грубый произвол царят в доме Татаркана. Сильный здесь подавляет слабого и извлекает свою выгоду из положения, но в это мрачное царство дикого насилия врывается уже освежающая струя новой жизни... и героическая девушка Хансиат смело бросает вызов угнетающей власти мужчин. В непосильной борьбе за освобождение женской личности она погибает. И искра, брошенная погибшей девушкой, ярким заревом загорится на фоне уходящих в вечность старых традиций. Патриархальному быту и суровому адату Бритаев нанес в драме “Две сестры” сокрушительный удар» [6, с. 112].

Он показал, как, прикрываясь отсталыми адатами дедов и отцов, жестокие, невежественные, духовно нищие люди прикрывают свои корыстные интересы. Не убежденность в правоте и святости норм патриархальной нравственности руководит ими, а страсть к наживе. В целом же Е. Бритаев показал, как под влиянием социальных обстоятельств, в результате наступления новых, буржуазных отношений, меняются представления горцев о жизни, их мировоззрение и мораль. Прежде всего, такая эволюция произошла во взглядах самого писателя на патриархальную этику осетин в начале XX века и ярко отразилась в его произведениях.

Список источников

1. **Борьба за советскую власть в Северной Осетии (1917-1920 гг.):** документы и материалы / сост. Е. А. Кияницкая, Е. П. Кричина. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957. 353 с.
2. **Бритаев Е.** Избранные произведения. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1963. 302 с.
3. **Бритаев Е.** Сочинения: в 2-х т. Орджоникидзе: Ир, 1982. Т. 2. 225 с.
4. **Джусойты Н. Е.** Бритаев. Очерк жизни и творчества. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1963. 223 с.
5. **Джусойты Н.** История осетинской литературы: в 2-х кн. Тбилиси: Мецниереба, 1985. Кн. 2. 313 с.
6. **Дзатгиаты Г.** Творчество Е. Бритаева в осетинской литературной критике. Цхинвали: Иристон, 1982. 242 с.
7. **История Осетии:** в 2-х ч. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1954. Ч. 1. 290 с.
8. **Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева** (НА СОИГСИ). Литературный отдел. Ф. 1.
9. **Тибилов А.** Сборник сочинений. Цхинвали: Иристон, 1988. 253 с.

EVOLUTION OF E. BRITAYEV'S VIEWS ON THE OSSETIANS' PATRIARCHAL ETHICS

Fidarova Rima Yaponovna, Doctor in Philology, Professor

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of the Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz
irinakaytova@mail.ru*

Kaitova Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philology

*North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz
irinakaytova@mail.ru*

The article studies the features of the evolution of E. Britayev's ideological patriarchal and ethical views in his early works at the beginning of the XX century, a particularly difficult and significant period in the history of the XX-century Ossetian literature. The authors have found out that the specificity of the artistic reflection of the evolution of E. Britayev's views on the norms of the traditional Ossetian patriarchal ethics is revealed vividly in such writer's works as the plays "Уараседзай" ("Having Visited Russia"), "Death Is Better than Shame", "Two Sisters", the story "Revenge of the Young Highlander" devoted to the urgent problems of strength, beauty, humaneness of the Ossetian peasantry's patriarchal ethics.

Key words and phrases: play; drama; story; E. Britayev; hero; plot; patriarchal ethics; new morality; problem of honour.

УДК 82-131; 398.224

Дата поступления рукописи: 26.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.15>

В героическом эпосе хакасов широко представлено множество древнейших мифологических мотивов и образов. В статье сделана попытка рассмотреть некоторые мифологические аспекты в образах героического эпоса хакасов. Для этого были проанализированы неопубликованные героические сказания, записанные от сказителей: К. А. Бастаева – «Старик Хара Хан на тёмно-гнедом коне» (1949 г.), «Алтын Сабах на бело-буланом коне» (1949 г.), Е. П. Миягашева – «Хара Хан на тёмно-гнедом коне» (1949 г.) и С. И. Конгарова – «Ах Хан на бело-буланом коне» (1958 г.) В рассмотренных сказаниях мифологическими являются описание времени «первотворения», мотив бездетности и тесно связанные с ним мотивы чудесного зачатия и чудесного рождения, мотивы оборотничества, связанные с тотемическими мифами, а также демонологические представления народа.

Ключевые слова и фразы: героический эпос; мифическое время; мотивы бездетности, чудесного зачатия, чудесного рождения; оборотничество; демонологические персонажи.

Шулбаева Наталья Владимировна

*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
natalya.shulbaeva@yandex.ru*

СПЕЦИФИКА МИФОЛОГИЗМА ХАКАССКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

*Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20185)
«Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона».*

В устном творчестве хакасского народа центральным жанром является героический эпос – алыптых ныхмах, в котором отчётливо прослеживается мифологический слой. Тема мифологических сюжетов и образов была затронута в научных работах хакасских исследователей И. Л. Кызласова [6], М. И. Боргоякова [4; 5], Я. И. Сунчугашева [13], В. Е. Майногашевой [7-10], Ю. И. Чаптыковой [16] и др. Героико-эпические произведения хакасов очень значительны в содержательном и эстетическом отношении, характеризуются ярко